

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Портрет читателя XXI века на фоне эпохи	10
«Ридингфобия» как диагноз современности.....	18
Читатель как герой современной прозы.....	27
Глобализация в литературе.....	34
Тенденции современной прозы	40
Тема игры в современной беллетристике	40
Литература быстрого реагирования и современные мифы	46
Кризис гуманизма в эпоху постмодерна	52
Поиски героя нового времени	64
Репрезентация прошлого в отечественной беллетристике начала XXI в.	75
«Новый реализм» нового века в контексте истории литературы	85
«Легенда о Петербурге» в контексте современной прозы	93
«Игра с классикой» в современной литературе	104
«Наше все» образца XXI в.	105
«С Гоголем на дружеской ноге»: стратегии современной прозы	115
«Тварь я дрожащая, или право имею?»: «Преступление и наказание» Бориса Акунина	125
Достоевский в зеркале современной прозы	137
Эхо Серебряного века в современной беллетристике.....	150
Культуртрегерский проект современных писателей: «Литературная матрица»	159
«Культ-товары» XXI века: феномен массовой литературы	168
От «Глянца» к «Антиглянцу»: остановка по требованию (к вопросу о новых маршрутах современной массовой литературы)	169
Б. Акунин: перезагрузка образца 2012 г.	180
«Детский угол»: тенденции современной прозы для детей и подростков	193
Литература для «взрослых детей» и «инфантильных взрослых»: к вопросу о чтении современных подростков	193
Школа как диагноз: опыт современной прозы	207
Эффект узнавания реальности в современной прозе для подростков	215

Он хватал книгу за книгой и при каждом новом названии выпускал восторженный возглас: либо оттого, что видит знакомую книгу, либо оттого, что видит книгу, которую давно искал, либо, наконец, оттого, что видит книгу, о которой никогда ничего не слышал.

У. Эко. Имя Розы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный литературный процесс рубежа XX—XXI в. заслуживает особого внимания по ряду причин: во-первых, литература конца века своеобразно подводит итог художественным и эстетическим исканиям всего столетия; во-вторых, новейшая литература помогает понять всю сложность и дискуссионность нашей действительности; в-третьих, своими экспериментами и художественными открытиями она намечает перспективу развития литературы XXI в. С конца 1980-х годов колоссальные социокультурные перемены определили принципиально новые явления в литературном развитии. Отказ от догм соцреализма, освобождение культурного поля, возможность познакомиться со всеми пластами западной литературы, наконец, необходимость откликнуться на принципиально новые запросы широкого читателя не только открыли широкий простор для экспериментов в литературе, но и дали возможность свободному развитию разных литературных форм. Современная литература — это совокупность разнонаправленных, несовпадающих векторов поисков, в которых трудно выделить эстетическую доминанту.

Появляющиеся чуть ли не каждую неделю книжные новинки обрекают потенциального читателя на растерянность, провоцирующую и раздражение, и неприятие современной литературы. «Русскую литературу разлюбили. Ею — делая исключение для нескольких раскрученных имен — больше не интересуются. Ее сторонятся. Хотя к ней, впрочем, вполне снисходительны: пусть, мол, пока живет. Но отдельно. Сама по себе. Вдалеке от мейнстрима первоочередных общенацио-

нальных и личных забот», — с грустью отмечает главный редактор журнала «Знамя» С. Чупринин. Негативные тенденции книжного рынка не исчерпываются только сокращением чтения. Изменилось отношение к книге и чтению вообще. Чтение перестало быть человеко- и культуuroобразующим ресурсом, книги читают либо строго функционально, либо рутинно, примерно так же, как автоматически переключают кнопки телевизионного пульта. «Современная ситуация в этом отношении характеризуется как системный кризис читательской культуры, когда страна подошла к *критическому пределу пренебрежения чтением*» — этот грустный приговор озвучен в «Национальной программе поддержки и развития чтения».

Рубеж XX—XXI вв. стал, как и сто лет назад, периодом обновления самых разных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм, выработки особого художественного зрения. Подведение итогов, апокалиптические настроения, спор с классической традицией, дискуссии о новом герое, поиски адекватного наступающему веку языка — эти черты, свойственные литературе рубежа веков, символически зажатого между словами «конец» и «начало», можно обнаружить и в сегодняшней литературе. Литература переходного периода — это время вопросов, а не ответов, это период жанровых трансформаций, это время поисков нового Слова.

В начале XX в. А. Блок писал: «Если не жить современностью — нельзя писать». Через сто лет писатели, участвуя в спорах о современном литературном процессе, так же сходятся в одном: современная литература интересна уже тем, что она эстетически отражает наше время. Что же такое «новейшая литература»? Прежде всего это обращение к новаторским линиям русской литературы, прерванным в 1930—1940-е годы, а также литературы русского зарубежья; важно и использование опыта современного западного авангарда (сюрреализм, поэтика «абсурда», новый роман, постмодернистские концепции), это и столь необходимая сегодня опора на нравственные и духовные традиции русской литературы. А самое главное — становление современной литературы неотрывно от создания своего художественного языка, способного выразить перемены, произошедшие в человеке и культуре конца XX — начала XXI в.

«В чем новизна ситуации? — задает вопрос писательница Ольга Славникова. — В принципиально иной структуре информационных про-

цессов. Оружие массового поражения завтрашнего дня — не атомная бомба, но информация. Предыдущие полвека люди учились жить при свете факта, что простым нажатием кнопки можно уничтожить город. Это изменило человеческое сознание. Теперь же мы на пороге мира, где целую культуру можно стереть, как папку с файлами. Ее попросту не будет, если некто с соответствующим чемоданчиком нажмет на “Delete”. Существует предельное число носителей языка, при котором язык еще жив. Существует и предельное число читателей Пушкина, при котором Пушкин наличествует. Уберите пиаровскую программу в виде школьного курса литературы — и нашего золотого XIX века не станет уже послезавтра¹. Действительно, изменение статуса автора и престижа чтения являются неизбежным следствием «экранной цивилизации», царства зрительных образов и электронной коммуникации. Многие называют нашу эпоху «постгуттенберговской», так как книга существует уже не только в бумажном, но и в электронном, цифровом, формате. И если пока, на вопрос о том, какой формат (бумажный, электронный или аудио) ближе, читатели чаще всего отвечают, что бумажный, все же доля электронных изданий возрастает с каждым днем.

Многочисленные дискуссии о современной литературе, с одной стороны, и практически ежедневно появляющиеся книжные новинки, с другой, убеждают в том, что нельзя рассматривать современный литературный процесс как однолинейный, одноуровневый. Литературные стили и жанры явно не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Многоголосие новейшей литературы, отсутствие единого метода — одна из ярких черт новейшей литературы. Нельзя не согласиться со словами критика Е. Ермолина: «Литература — это главный текст русской культуры и главнейший ее контекст; и средоточие русской культуры — и наиболее достоверная родина. <...> Это фатальное заблуждение, что Россия способна существовать без актуальной духовно емкой литературы. Исторический опыт свидетельствует об обратном. Будущее России — это будущее ее литературы. Не будет значительной русской литературы — не будет и России. Возрождение России есть возрождение ее литературы, ее духовной жизни в личностном модусе»².

¹ Славникова О. К кому едет ревизор? Проза «поколения next» // Новый мир. 2002. № 9.

² Ермолин Е. Россия как литература: вчера и завтра // Октябрь. 2005. № 3. С. 178.

Безусловно, новейшая литература, пестрая, неоднозначная, противоречивая, отражает наше столь непростое время рубежа веков и тысячелетий. Она не только рассказывает о современности, а скорее, ведет разговор с современниками, по-новому ставит вечные для человека вопросы быта и бытия.

Социологические опросы, посвященные изучению структуры чтения последних лет, свидетельствуют о том, что картина мира, представляемая современной литературой, соответствует потребностям представителей новых субкультур. Изменение статуса литературы в обществе неизбежно влечет за собой изменение авторской и читательской стратегий. Художественные поиски рубежа веков осуществляются в широком текстовом диапазоне — от элитарной до массовой литературы. В них воплотились различные авторские интенции, они ориентированы на различных потенциальных читателей. Однако при всем разнообразии создаваемых современными авторами текстов в них своеобразно преломляются чрезвычайно активные социокультурные процессы, отразившие кардинальные перемены начала XXI в.

Современная литература является важным источником информации о жанровых ожиданиях читателя, об авторских стратегиях, о трансформации «языковой личности», о повседневной жизни человека. Писатель М. Веллер справедливо отмечает, что «изображение жизни <...> все равно остается тем базовым уровнем, той линией отсчета, от которой пляшет любое искусство. <...> Проекция массового искусства на жизнь — проста и легка в восприятии, одноступенчатая, непосредственна. Проекция высокого искусства на жизнь — в восприятии сложна, ступенчатая, опосредована, ассоциативна. Суть-то одна»¹. Этой же точки зрения придерживается и писатель М. Фрай: «Книга — волшебное зеркало, в котором читатель отчаянно ищет собственные мысли, опыт, схожий со своим, жизнь, описанную так, как он это себе представляет. <...> Интеллектуал, теребящий “Маятник Фуко”, и среднестатистический лох, уткнувшийся в очередной том эпопеи о “Бешеном”, были бы потрясены, узнав, насколько они похожи. Но эти двое, действительно, почти близнецы, они в одной лодке»². Оба высказывания активных участников современного литературного процесса убеждают в том, что массовая литература, белле-

¹ Веллер М. Все о жизни. СПб., 1998. С. 212.

² Фрай М. Идеальный роман. СПб., 1999. С. 262.

тристика, мидл-литература, литература постмодернизма, использующая язык массовой культуры, и элитарная, экспериментальная литература вместе определяют лицо современного литературного процесса. Очевидно, что без любого из этих звеньев картина истории литературы будет неполной.

Литературный процесс любой эпохи неизбежно предполагает конфликты и чередование старых и новых жанров; каноны, по которым живет основное направление литературы, могут изменяться со временем. Как правило, именно в период общественных потрясений размываются границы между жанрами, усиливается их взаимопроникновение и предпринимаются попытки реформировать старые жанры и создавать новые, чтобы придать свежее дыхание культуре в целом. Новой чертой современной культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и, как следствие, — единообразие мотивов, сюжетов, приемов.

Принципиально значимым оказывается то, что зачастую на выбор читателем «своего» уровня художественного текста (от «филологического романа» до «бандитского детектива», от романов Л. Улицкой до иронического детектива Г. Куликовой, от романов Б. Акунина до низко-исторической беллетристики и т.д.) влияет принадлежность к той или иной страте общества.

Лидер культурно-исторической школы И. Тэн рассматривал литературное произведение как «снимок с окружающих нравов и свидетельство известного состояния умов», как необходимый источник информации для создания «истории нравственного развития». В «Философии искусства» И. Тэн подчеркивал, что преломляющиеся в литературе нравы, мысли и чувства зависят от национальных и социально-групповых черт людей. В связи с этим ученый выделил шесть ступеней «расовых» признаков, каждому из которых соответствует свой «уровень» искусства: 1) «модная» литература, которая интересует читателя 3—4 года; 2) литература «поколения», существующая столько, сколько существует воплощенный в них тип героя; 3) произведения, отражающие «основной характер эпохи»; 4) произведения, воплотившие национальный характер; 5) произведения, в которых можно обнаружить «основной характер эпохи и расы» и по строению языка и мифов которых «можно предвидеть будущую форму религии, философии, общества и искусства»; 6) «вечно

живущие произведения», которые выражают «тип, близкий всем группам человечества»¹.

Очевидно, что идеи Тэна остаются актуальными и сегодня. Если приведенную иерархию применить к современному литературному процессу, то на первых двух уровнях будет размещаться массовая литература (произведения А. Марининой, Д. Донцовой, Д. Глуховского, С. Лукьяненко, Н. Перумова, Т. Устиновой и др.) и популярная беллетристика рубежа веков (произведения Д. Рубиной, А. Слаповского, Б. Акунина, Е. Гришковца, П. Санаева и др.), на других — элитарная литература (А. Солженицын, В. Маканин, М. Шишкин, Л. Петрушевская, Л. Улицкая и др.). Сегодня, когда практически нет единых критериев оценки художественных произведений и согласованной иерархии литературных ценностей, становится очевидной необходимость взгляда на новейшую литературу как на своего рода *мультилитературу*, то есть как на конгломерат равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур.

Изучение современной литературы выводит к междисциплинарным вопросам, связанным и с социологией, и с культурологией, и с философией, и с психологией. Такое расширение поля филологических исследований представляется чрезвычайно важным, поскольку изменения в современном литературном процессе в значительной степени обусловлены изменением круга чтения, унифицированностью запросов и вкусов массового потребителя, которые соответствуют фундаментальным основам современной культуры.

¹ Тэн И. Философия искусства. М., 1996.

ПОРТРЕТ ЧИТАТЕЛЯ ХХІ ВЕКА НА ФОНЕ ЭПОХИ

*Какая б ни была эпоха под этой бледною
луной, Россия со времен Гороха была чита-
ющей страной.*

Д. Быков

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес... Ах, вот где закопаны были “Мертвые души” Гоголя... А их все искали вовсе не там... Искали “вокруг”, а вокруг были Пушкин, Лермонтов, Жуковский... Тем временем, пока Чичиковы из “Государственной” Думы все продавали да ездили в Лондон, русские люди “досыпали” “сон Обломова”, сидели “на дне” Максима Горького и, кажется, еще в “яме” Куприна... Мечтая о “золотой рыбке” будущности и “исторического величия”»,¹ — эти столь современно звучащие сегодня слова были сказаны философом В. Розановым сто лет назад. И сто лет спустя мы так же мечтаем вытянуть «золотую рыбку». Но все же наш культурный фон и наша действительность разительно изменились. И хотим мы того или нет, приходится говорить не только о классическом каноне, не только о месте современной литературы в школе, но и о глубинных изменениях, произошедших с читателем. Видимо, в переломные моменты истории, в рубежные эпохи назревает необходимость поиска новых координат, в том числе и в школьных программах по литературе.

Вспомним, что уже с конца XVIII в. обсуждение в гимназиях современной литературы стало неотъемлемой частью школьного образования. Уже с середины XIX в. новейшая литература попадает в школьные учебники, а курс современной литературы был неразрывно связан с основным курсом изучения словесности. Преподаватели гимназий и университетов, не боясь своих учеников, читали на уроках недавно опубликованные произведения. Студентка Смольного института, ученица знаменитого филолога и методиста В.И. Водовозова, вспоминала, какое впечатление на них произвело прочитанное преподавателем стихотворение Н.А. Некрасова: «Окончив стихотворение “Чернь”, Василий Иванович заметил, что на ту же тему Некрасовым написано «Поэт и

¹ Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 367.

гражданин” (мы в первый раз услышали имя этого поэта), и опять от начала до конца, так же прекрасно и тоже наизусть, он произнес это стихотворение, а затем приступил к объяснению. Говорил он далеко не гладко, но все, что он говорил, мы совершенно ясно понимали, все это противоречило всему тому, что мы до сих пор слышали, все это в высшей степени заинтересовало нас и впервые заставило серьезно работать наши головы». Размышляя над этими мемуарами, наша современница, тоже педагог и методист Н. Попова, задает больной вопрос: «Так чем же наше поколение хуже? Почему мы не можем, уловив минуту на уроке, прочитать не по программе стихи Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжева, Тимура Кибирова, Алексея Цветкова? Ведь понимаем же, что в конце одиннадцатого класса на это уже не будет времени. Почему мы трусливее наших предшественников? Почему в футляр учителя Беликова спрятались наши взрослые души? Может, дети всего лишь копируют наше поведение? Неужели мы проглядели, как превратились в дрожащих премудрых пескарей, все время думающих, как бы чего не вышло?»¹

Для гимназистов XIX в. произведения Толстого, Тургенева, Достоевского и Островского были внятным голосом современников, для гимназистов же XXI в. — чаще непонятым, требующем «перевода» голосом из далекого прошлого. Сегодня, когда происходит «инфляция классики», классическое наследие по-разному встраивается в новую сеть отношений. Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение современным читателем классики связано во многом с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы. Однако классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей; она оказывается всеобщим коммуникационным кодом в литературе, универсальным языком, внятным для людей разных эпох. Для современной литературы классическая литература становится своеобразным резервуаром, откуда она черпает мотивы, сюжеты, темы, постоянным и неиссякаемым источником национальной мифологии. По мнению социолога литературы Б. Дубина, в школе «классические произведения включаются в про-

¹ Попова Н. Александр Грибоедов против Марии Ватутиной, или Нужно ли школьным учителям преподавать современную литературу // Знамя. 2011. № 5.

цессы общей социализации — усвоения норм правильного поведения», но при этом, как показывают эмпирические исследования, «школьные программы по литературе, включающие на нынешнем этапе не более 1% всей наличной словесности, приходят во все большее противоречие с реальными ориентациями и кругом чтения подростков и молодежи. Вот два недавних ответа девятиклассников (кстати, мало удивляющих учителей-словесников) на вопрос о том, чем заканчивается роман в стихах «Евгений Онегин»: «Татьяна бросилась под поезд, так как ее оставил муж», «Онегин убил Татьяну». Содержательное опустошение понятия классики для читателей, отсутствие навыков интерпретации, подавляемых жестокой нормативностью суждений, приводят к тому, что рецепция образцов классической литературы приближается к восприятию развлекательной словесности. Дубин считает, что «из школы практически вытеснены средства рефлексии по поводу самой системы литературной социализации и соответствующий эмпирический материал»¹. Разрыв между современной литературой и современным читателем грозит литературе гибелью. В одном из последних своих интервью Б. Стругацкий с грустью отметил: «Подозреваю, что будущее вообще не за книгой, будущее — за цветными, звучащими и движущимися картинками. Это будет даже не кино, а какая-то разновидность комиксов. Вырастает поколение, которое ни в какую не желает сочетать развлечение с умственным трудом. У них лозунг: пусть будет весело и ни о чем не надо думать. Печальный пророк Брэдбери предрекал костры из книг, а человечество просто перестало читать»². При таких апокалиптических прогнозах говорить о месте современной литературы в школе, казалось бы, наивно. Но раздражить, спровоцировать на диалог, заставить оглянуться вокруг может и должна именно актуальная словесность.

Американские ученые недавно опубликовали результаты интересного исследования, выполненного с использованием диффузионного магнитно-резонансного томографа. Цель — посмотреть, как развиваются у детей способности к чтению. Наблюдения производились на

¹ Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки по литературе и культуре. М., 2010. С. 39.

² Плохой пророк. Интервью: Борис Стругацкий ответил на вопросы читателей dp.ru и корреспондента «ДП» // URL: <http://www.dp.ru/Pages/ArticleDetail.aspx?ArticleID=49c5ba52-f71a-455b-a2b9-44f6a49c7456>

протяжении трех лет. В итоге обнаружились существенные отличия в том, как проходит образование связей в мозге у читающих детей и у детей со сложностями в обучении чтению. Диффузионная томография показала, что отличия касались двух областей, соединяющих речевые и визуальные центры мозга. Оказалось, что у заядлых читателей связи были поначалу слабы, но со временем усиливались. У тех же, кому чтение давалось тяжело, процесс происходил в обратном направлении. Стало очевидно, что активные и заинтересованные юные читатели обладают гораздо более развитой структурой нейронных связей со всеми вытекающими отсюда последствиями¹.

В последние годы не смолкают дискуссии, проходившие в разных профессиональных кругах, о том, что человечество вступает в новую информационную эпоху, в связи с чем у молодого поколения фундаментально изменяется культура восприятия: молодым людям трудно работать со словесными текстами, им уже не нужен линейный текст. «Угрозу книге представляет не отказ от текста как такового, а отказ от длинного, целостного и линейно выстроенного текста. То же самое происходит и в мире образов, где фильму противостоит клип. <...> Словарь с короткими, ссылающимися одна на другую статьями — вот бумажная книга будущего. Текст будущего — короткий и рубленый, вроде реплик в “ЖЖ” или “Твиттере”»², — пишет современный философ К. Фрумкин. Поэтому, безусловно, заслуживает интереса голос этого нового поколения читателей, их непосредственное восприятие современной им литературы.

При превалирующем невнимании молодежи не только к современной литературе, но и к книге вообще, все же необходимо обратить внимание на тот факт, что в социальных сетях постоянно формируются все новые и новые группы поклонников современной литературы. Вот названия некоторых: «Читать — модно — современная литература», «Поделитесь книгами с ближними своими», «Клуб ценителей настоящей литературы», «Чтение — дорога к знаниям и чудесный отдых», «Дочитать до Апокалипсиса» и др. Популярны среди молодых читателей различные сообщества книголюбов в блогах (например, «Библиофил». «Книжный

¹ См. об этом подробнее: Ваганов А. Человек читающий. Хочешь долго и счастливо жить — становись библиофилом // URL: http://www.ng.ru/science/2012-11-14/9_reader.html?insidedoc

² Фрумкин К. Откуда исходит угроза книге // Знамя. 2010. № 9.

бум» и др.). Блоги в какой-то степени становятся навигатором в безбрежном океане современной мировой литературы (здесь даются советы по чтению, размещаются небольшие эссе о прочитанной книге, ведутся дискуссии по той или иной проблеме). Вот, например, какой совет дает молодой читатель: «Попробовали прочитать одно; если не понравилось — прочтите что-нибудь полегче. Со временем, быть может, вы сумеете накачаться для ее поднятия, хотя, может, и не сумеете, не все ведь штанги за 100 кг поднять могут»¹. Критик И. Фролов справедливо пишет, что «читатель замыкает литературную цепочку, он — потребитель, без него литературы нет. Читатель, если говорить высоким стилем, преобразует литературный импульс в социальное движение, и без него этот предмет остается предметом “самим по себе” (то, что по ошибке переводчика много лет считалось “вещью в себе”»².

Заслуживают внимание две книги западных культурологов, педагогов, философов, которые приобретают особое звучание при разговоре о современном читателе. Николас Карр в книге «Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами» приводит впечатляющий список последних достижений в области нейронауки. Как показывают исторические и научные данные, наш мозг изменяется под влиянием опыта, и технологии, которые мы используем для поиска, хранения и передачи информации, в буквальном смысле меняют маршруты наших нейронных связей. Основываясь на идеях мыслителей от Платона до Маклюэна, Карр доказывает, что любая информационная технология несет в себе определенную интеллектуальную этику — набор допущений о природе знаний и интеллекта. Он показывает, как печатная книга помогла сфокусировать наше внимание, продвигая более глубокое и творческое мышление. Интернет же, напротив, поощряет нас к потреблению быстрых несвязанных кусочков информации из множества источников. Это этика промышленной эпохи, этика скорости и эффективности, оптимизированного производства и потребления — и теперь Сеть переформирует нас по своему образу и подобию. Мы становимся адептами быстрого и поверхностного сканирования, но теряем способность к концентрации, размышлению и рефлексии.

¹ См. об этом подробнее: Самохина М. Молодые читатели в Интернете (Наблюдения социолога) // НЛЮ. 2010. № 102.

² Фролов И. Геометрия литературы. Декартова критика // Урал. 2010. № 1.

А Пьер Байяр в книге с провокационным названием «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» вводит любопытный термин «внутренняя библиотека»: «Назовем внутренней библиотекой группу книг, которые являются для человека основополагающими и определяют его отношение к другим текстам, — это его собственный отделчик в коллективной библиотеке, которая объединяет нас всех»¹. Очевидно, что помочь создать эту внутреннюю библиотеку — задача и родителей, и учителей. Но удача, по Байяру, — это появление у молодого читателя особой «личной внутренней книги», которая «составлена из наших фантазий и собственных легенд, и она имеет прямое отношение к тому, что мы любим читать, к нашему выбору книг и манере чтения. Это и есть тот фантастический объект, который ищет каждый читатель, и самые лучшие книги, которые ему встретятся в жизни, станут лишь несовершенными фрагментами этого целого, но они будут подталкивать его читать дальше»².

Думается, что список «100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендованных к самостоятельному чтению», о котором сегодня столько спорят, должен помочь в появлении у наших учеников этой «личной внутренней книги». Составление разнообразных рекомендательных списков литературы — излюбленное занятие не только учителей, библиотекарей, журналистов, но и обычных читателей. Списки позволяют выстроить как личную стратегию чтения, так и обозначить общественную иерархию, национальный канон, который определяют различные сферы культуры — от школьных программ до издательских планов и календарей памятных дат. Историк чтения Армандо Петруччи справедливо отмечает, что «природа культурного и идеологического отношения лежит в основе создания как в прошлом, так и в будущем списков изданий, рекомендуемых для приобретения, настоящих “канонов”, содержащихся в каталогах»³.

О преимуществах и рисках списка «100 книг» на форуме сайта говорится: «Преимущества: формирование поля культурной общероссийской идентичности; появление повода не только говорить о значи-

¹ Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали. М., 2012. С. 81.

² Там же. С. 92.

³ История чтения в западном мире. От Аристотеля до наших дней. М.: ФАИР, 2008. С. 447.

мости чтения в воспитании подрастающего поколения, но и предпринимать конкретные действия к решению данной проблемы. Риски: (с педагогической точки зрения) чрезмерное усердие и навязывание чтения или апатичное игнорирование данного ресурса. И то, и другое является реальной угрозой. Однако, преимущества все же перевешивают. Если проект будет реализован, преимущества будут видны сразу, правда, нужно разработать технологию внедрения проекта в жизнь каждого молодого россиянина. Если такой технологии не будет, то проект будет существовать только на бумаге и постепенно сойдет на “нет” или будет жить как идея декларированная, но недолго¹. Есть, на мой взгляд и другие проблемы. Учитывая, что в отличие от литературы XIX в. где в школьной программе есть практически все репрезентативные авторы, литература XX в. и, конечно литература XXI в. в школьной программе представлена с существенными лакунами. Естественное стремление заполнить эти лакуны и могло определить направление преимущественного отбора авторов и произведений. Но этого, к сожалению, не произошло.

Очевидно и то, что в списке для *самостоятельного чтения* необходима актуальная словесность, говорящая с учеником XXI в. на одном языке, поднимающая острые, болезненные, дискуссионные вопросы сегодняшнего дня. Да, она может раздражать и будоражить, вызывать споры и сомнения, заставлять смеяться и плакать. Но ведь и наша жизнь, которую и описывает новейшая литература, такая. Безусловно, расширился бы и взгляд на классическую литературу, если бы, например, после разговора о Чехове прочитать «Русское варенье» Л. Улицкой или сборник рассказов Г. Щербаковой «Яшкины дети», а после изучения антиутопии Е. Замятина «Мы» обсудить «Кысь» Т. Толстой или «День опричника» В. Сорокина. «Лейтенантская проза» 1960-х годов. могла бы войти в острый диалог с «новой военной прозой» З. Прилепина, Д. Гуцко, А. Бабченко. А как необходим в школе разговор о ШКОЛЕ. И кажется, что на месте этой темы в современной литературе зияющая пустота. Но нет! Как важно было бы включить с списки и *говорить в классе* о повести Е. Мурашовой «Класс коррекции», о «Трудном детстве» Е. Молданова, о «Крошках цахес» Е. Чижовой. А повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее» просто возвращает читателя к книге, о том свидетельствуют те учителя, которые открыли этих авторов своим ученикам.

¹ Форум: <http://knig100.spbu.ru/forum/topic/1>

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru